

Андрей БАРАНОВ

Родился в 1962 году на Советской Украине в городе Виннице. С 1966 по 2002-й жил в Ульяновске, который стал прототипом Средневожска из его романов, повестей и рассказов. Окончил Ульяновский педагогический институт, работал в школах Ульяновска, а после защиты кандидатской диссертации – в вузах и институте повышения квалификации учителей, в издательстве учебной литературы «Вентана-Граф», сейчас работает в центральном офисе книготорговой сети «Читай-город – Буквоед».

Публиковался в журналах «Дальний Восток», «День и ночь», «Зинзивер», «Дети Ра», «Симбирскъ», «Нева», «Бельские просторы» и интернет-журнале «Литература».

Живет в Москве.

ВЕЗУНЧИК

Не знаю, как вам, а мне всегда казалось, что впереди меня ждёт много ярких и интересных событий, а всё, что уже случилось со мной прежде – лишь прелюдия, подготовка к настоящей жизни, которая вся впереди. Нужно лишь немного потерпеть, подождать – и всё случится.

Самое удивительное, что такие мысли посещали меня именно в те моменты, когда я бывал по-настоящему счастлив, но, укутанный счастьем, словно младенец материнским теплом, не мог по-настоящему почувствовать этого.

Старик написал эти слова в текстовом редакторе «Живого журнала» и глубоко задумался. Утро вливалось в комнату золотистым светом, вычерчивая на стене графические очертания берёзовых веток. Декабрист на подоконнике топорщил свои чешуйчатые листья на древовидных корявых стеблях, пробуждая в воображении виды древних лесов Пангеи. Чёрный кот в белых носках и галстукe, удобно устроившись рядом с цветочным горшком, с видом умудрённого жизнью философа разглядывал двор, по которому вперевалочку расхаживали важные вороны. Старик окинул всё это невидящим взором и продолжил повествование...

Когда-то, когда Денис Юрьевич (так звали старика) был совсем молодым человеком, не достигшим ещё тридцатилетнего возраста, и звался просто Дэном, он жил в неослабевающем предчувствии каких-то важных перемен, которые вот-вот должны произойти. Жизнь в её

привычном обыденном течении совершенно перестала его волновать – как будто это была не настоящая жизнь, во всяком случае, не *его* настоящая. Шёл ли залитой солнцем улицей, тряся ли в дребезжащем и постукивающем на рельсовых стыках трамвае, глядя через оконное стекло на дома, вывески и неторопливых жителей родного провинциального города, сидел ли над чертежами в своём конструкторском бюро – повсюду его не оставляло это назойливое чувство.

Был у него лучший друг. Они дружили ещё со школы и понимали друг друга с полуслова. Он мог прийти к Лёшке в любое время дня и ночи и был абсолютно уверен, что тот не прогонит его, выслушает и поможет. Для чего же ещё нужны друзья, как не для того, чтобы выслушивать и помогать?

– Ты знаешь, мне кажется, я живу не своей жизнью! – сказал он как-то другу, когда они сидели у того на кухне и выпивали, глядя на светящиеся окна дома напротив. Многие окна были задрапированы только лёгким прозрачным тюлем, а на некоторых занавески вообще были распахнуты, и там, в этих разноцветных квадратиках, разворачивались картины чужой неведомой жизни. Дом стоял достаточно далеко, чтобы разглядеть лица людей или детали интерьера, но в то же время сравнительно близко, чтобы различать контуры фигур – мужских, женских, детских, – светящиеся шарики люстр, торшеров и бра, туманные абрисы предметов домашнего обихода.

– Разве так бывает? – удивлялся Алексей. – Мне кажется, каждый из нас проживает только свою жизнь, единственную и неповторимую. Посмотри на эти окна – за каждым живут люди, и у всех своя судьба. Ты не можешь попасть туда, чтобы прожить за них их жизни, так же как они не могут прожить твою.

– Почему же меня не оставляет чувство, что моя-то протекает где-то в стороне от меня? Может быть, за этими самыми окнами?

– Я думаю, ты просто зажрался, – отвечал ему друг, – признайся честно сам себе – ведь ты же настоящий везунчик: родители – дай бог каждому, школа – лучшая в городе, институт – без проблем, вместо армии – двухмесячные сборы, на работе в неполные тридцать – начальник отдела, от тёток – отбоя нет! Жениться тебе надо, вот что, – тогда вся дурь из башки вылетит.

Как бы в подтверждение этих слов на пороге кухни появилась пухленькая фигурка молодой женщины, запахнутая в короткий шёлковый халатик с золотыми драконами на огненно-красном фоне. Это была Нора – жена Алексея. Её заспанное лицо явно не выражало радости по поводу позднего визита незваного гостя и отсутствия мужа в супружеской постели.

– Мужики, вы потише немного – Катька всё-таки спит, да и тебе, Лёха, завтра на работу. Закруглялись бы уже!

Раздражённая супруга погромела тарелками, включила и выключила воду, долго искала что-то в холодильнике и, наконец, удалилась, оставив после себя на кухне невидимый, но ясно осязаемый немой укор загулявшим приятелям. Пару минут они ошалело молчали, потеряв нить прерванного разговора.

– Ты, кажется, что-то говорил о женитьбе, – напомнил Дэн.

– Правда? Пришла хорошая мысль, но, не застав никого дома, удалась. Давай лучше выпьем!

Дэна нельзя было назвать женоненавистником. Скорее наоборот. Я бы сказал, он буквально запутался в сложных и противоречивых отношениях со своими дамами. Нет, он не был ветреником или вертопрахом, проблема состояла в другом – он не мог разрывать старых отношений и тащил их за собой, как погорелец таскает повсюду остатки своего небогатого скарба, уцелевшего при пожаре. Это барахло на самом деле не нужно ему, доставляет массу неудобств, делает неповоротливым и уязвимым, но он никак не может с ним расстаться.

Первая любовь пришла ещё в школе, в восьмом классе. Была в совете дружины семиклассница Юля, бойкая синеглазая пигалица, которая читала стихи на всех школьных утренниках, ходила в знамённой группе, солировала в пионерском хоре. Дэн восхищался её белокурыми прядями, непослушно выбивающимися из-под остроугольной пилотки, звонким голосом, напоминающим перезвон хрустальных колокольчиков, белой накрахмаленной сорочкой с ярко пламенеющим на груди отутюженным галстуком, острыми девчоночьими коленками, задорно выглядывающими из-под синей пионерской юбки. Она была вся какая-то светлая и просто лучилась радостью и открытостью миру. Хотелось, чтобы она всегда оставалась такой же счастливой и весёлой, а для этого надо было, как решил для себя Дэн, оградить её от невзгод и опасностей школьной жизни. Юля легко, с присущем ей юмором приняла заботливую опеку старшеклассника, к тому времени уже гордо носившего на лацкане пиджака комсомольский значок, а потом незаметно привыкла и полюбила его всей своей девчоночьей душой. Два с половиной года, до самого выпуска, он провожал её в школу и домой, носил портфель, держал за руку, не давал никому в обиду. Все в школе так привыкли видеть их вместе, что они стали своеобразной местной достопримечательностью, живой легендой, которая передавалась из уст уста по другим учебным заведениям города.

Школьный роман продолжался и когда Дэн стал студентом. Но случилось так, что на картошке он близко сошёлся со своей однокурсницей Валентиной. Валентина была девушкой совершенно иного плана: тихая, мягкая, спокойная, с пышной русой косой и задумчивым взглядом магнетических карих глаз. Как-то вечером на импровизированной дискотеке под кассетный магнитофон, когда парни и девушки выпендривались друг перед другом, изображая ломаные ритмические движения, по странному недоразумению считавшиеся танцем, он заметил, что Валентина не танцует, а отошла к низкому плетню, окружавшему их барак, и стоит неподвижно, глядя на догорающий сентябрьский закат над убраным колхозным полем. Он подошёл и встал рядом. Разговорились. После нескольких дежурных фраз речь почему-то зашла о романе Булгакова «Мастер и Маргарита». Тогда эта книга была ещё полузапрещённой и её практически невозможно было нигде достать. Дэн был поражён. До этого момента ему казалось, что, кроме него, Юли и Алексея этот роман вообще никто не читал – и тут такое радостное открытие! От Булгакова ниточка потянулась к Лорке и Превьеру, Феллини и Тарковскому, Пикассо и Шагалу. Молодые люди с восторгом обнаружили удивительное родство художественных вкусов – а в юности это самое главное для начала дружбы. Чем больше они разговаривали на разрытых трактором бороздах, выбирая оттуда картошку и таская полные вёдра к бортовому грузовику, тем крепче привязывались друг к другу. Вернувшись в город, они стали садиться рядом на лекциях и семинарах, вместе ходили обедать, совершали походы в кино и на дискотеки. Они и не заметили,

как дружба переросла в любовь. При этом Дэн продолжал встречаться с Юлей – как же он мог бросить свою любимую пигалицу?

После школы Юля поступила на тот же факультет, где учились Дэн и Валя. Они стали дружить втроём, к компании примкнули Алексей со своей будущей женой и ещё несколько юношей и девушек. Друзья весело проводили время: ходили в походы, ездили в Москву и Питер к тамошним друзьям, летом работали в стройотрядах, а потом проматывали заработанные деньги в Крыму или на Черноморском побережье Кавказа.

Юля и Валя постоянно были рядом с Дэном, и в этом треугольнике сложились странные, невозможные для всех остальных членов компании отношения. Дэн явно не отдавал предпочтение ни одной из девушек, и чаще всего их видели втроём. Иногда то одна, то другая ссорились с ним, но после ссоры непременно наступало примирение, уж непонятно на каких условиях и под какие обещания, – и покой в неустойчивом треугольнике восстанавливался до следующей ссоры. Отношения между самими девушками тоже были какими-то необычными: вроде бы они дружили, а вроде бы и нет – никто не мог ясно понять характер их отношений. Во всяком случае, открытых ссор и скандалов между ними не замечали.

После института Дэн получил распределение в конструкторское бюро одного из местных оборонных предприятий, а через пару лет переехал из родительской квартиры в квартиру своей покойной бабушки. Студенческая компания стала часто собираться у него дома и вскоре разбавилась новыми лицами – коллегами Дэна по заводу. Была среди новых людей и Нина – черноволосая и остроглазая казачка, работавшая в бухгалтерии. Нина обладала удивительно глубоким сильным голосом, которым она выводила грустные и задушевные песни на стихи Ахматовой, Цветаевой, Пастернака, аккомпанируя себе на гитаре. Дэн тоже любил, а главное, умел петь и играть на гитаре – так у них образовался дуэт, и, как ни старались Юля с Валей огородить своего любимого от новой привязанности, вокальный дуэт вскоре перерос в любовный. А поскольку и Юля с Валей, устроив неверному любовнику сцену ревности и порвав с ним всяческие отношения, через несколько месяцев вернулись под его гостеприимный кров (к вящему неудовольствию Нины) – дуэт разросся до квартета.

Бухгалтер Нина имела то преимущество перед Юлией и Валентиной, что успела побывать замужем, развелась и у неё рос сын, часто передаваемый на попечение активных бабушек. Юля с Валей за много лет затянувшегося романа с Дэном тоже пытались устроить свои судьбы, но почему-то ни у той, ни у другой не клеились отношения с другими мужчинами, и к своему тридцатилетию они подходили незамужними и бездетными.

Дэн так запутался в отношениях со своими женщинами, что был уже не рад этому беспорядку. Ему хотелось простоты и ясности, хотелось, чтобы у него тоже была нормальная семья, как у его друга Алексея. О том же самом мечтали каждая из его пассий и говорили ему об этом открыто, но как он мог расстаться хотя бы с одной из них? Как предпочесть одной другую? Как предать остальных? Тогда-то в его душе и родилось это навязчивое желание перемен, полного и решительного обновления всей жизни.

Внутренний настрой на изменения совпал с катастрофой в стране. Привычный уклад рушился на глазах. Заказы Министерства обороны

в одночасье иссякли – и конструкторское бюро, в котором работал Дэн, распустило своих работников в бессрочный неоплачиваемый отпуск. Друг Алексей, как и тысячи других их сверстников, занялся тем, что тогда считалось «бизнесом», – то есть покупал где-то что-то подешевле, а затем продавал подороже. Были среди их общих знакомых и более удачливые «бизнесмены», которым неслыханно повезло – и они умудрились усесться, как это тогда называлось, на финансовый поток. «Сесть на финансовый поток» было голубой мечтой любого метившего в «новые русские», поскольку в этом случае можно было вообще ничего не делать, а только перекачивать деньги из каких-нибудь фондов или государственных структур каким-нибудь бюджетным или общественным организациям, не обижая при этом себя любимого. Дэну претили новые порядки. Ему всё казалось, что происходящее – лишь временное помутнение умов, что пройдёт год-два, и всё вернётся на круги своя, – он хотел работать только по своей инженерной специальности, но инженеры стали никому не нужны – заводские проходные были наглухо заколочены.

Тогда-то и родилась у него идея уехать на Север. Оттуда, из бескрайней тундры возле самого полярного круга, писал ему одноклассник Вова, работавший инженером на молодую, бурно развивающуюся нефтяную компанию. Названия населённых пунктов из его писем звучали как волшебная музыка: Мегион, Лангепас, Нягань, Урай. Дэна безотчётно потянуло на край света, к полыхающему в полнеба северному сиянию и огненным цветкам попутного газа над буровыми.

В один из вечеров накануне отъезда они лежали с Ниной на его неширокой кровати и разговаривали.

– Поедешь со мной в Лангепас? – спросил Дэн, погрузив руку в пышную гриву девушки и перебирая прядь за прядью джунгли её волос. Её голова уютно устроилась в выемке возле ключицы. Только что у них был взрывной потрясающий секс, после которого в теле осталась сладкая истома, не хотелось ни думать, ни волноваться, а только вот так лежать и лежать, чувствуя голову любимой у себя на плече и перебирая её чудные шелковистые волосы с едва уловимым ароматом тонких цветочных духов.

– Лан-ге-пас, – по слогам протянула необычное слово девушка, – звучит как печальный гобой или охотничий рожок, – промурлыкала она и ещё раз повторила: – Лан-ге-пас...

– Ну так поедешь или нет?

– Милый, с тобой – хоть на край света, хотя, собственно, это и есть край... Но, видишь ли, в этом году Никита идёт в школу. Свекровь договорилась с крутящей гимназией. Никитоса берут, хотя там сто человек на место. И потом, тут у нас обе бабушки, а там – ни родных, ни близких. Чужой, непонятный город, снег, холод. Ночь на полгода. Никита, скорее всего, начнёт болеть, да и с папой ребёнку надо видиться, хоть раз в неделю. Может быть, лучше ты никуда не поедешь? Что там делать, в этом твоём Лангепасе? За семь вёрст киселя хлебать?

Она ещё что-то очень долго ворковала, перебирая тонкими нежным пальчиками волосы на его груди, но он больше не слушал – всё было и так понятно: Нина не едет!

«Может быть, это даже лучше, – думал он, – так не может продолжаться бесконечно. Вот и посмотрим, кто их трёх по-настоящему меня любит».

Проводив Нину до остановки, Дэн неспешно двинулся в сторону дома. Солнце село давно, но небо только-только начинало темнеть, загорались первые звёзды. В воздухе головокружительно пахло липовым цветом. Зажглись фонари и сразу притянули к себе густую тень лип и тополей. Путь домой лежал через небольшой парк, и, войдя в него, Дэн сразу заметил на парковой скамейке под фонарём одинокую фигурку девушки. Уже издали он узнал её – конечно же, это была Юля, и сидела она здесь совсем не просто так – он давно уже приметил, что после свиданий с Ниной непременно встречал Юлю, как бы случайно, то на остановке, то на улице, то вот как теперь – в парке. Зафиксировав в голове эту закономерность, Дэн стал избегать подобных встреч: завидев Юлю издали, сворачивал с привычного маршрута или даже разворачивался и шёл в прямо противоположную сторону, куда ему совсем не надо было идти. Но не в этот раз. Сейчас он даже обрадовался этой неожиданной ожидаемой встрече и сразу направился к девушке.

– Привет, что ты делаешь здесь в такой час? – спросил он.

– Так, вышла прогуляться, – неловко соврала Юля, и румянец, заливший при этом её щёки, был виден даже в бледном свете фонаря.

Дэн присел рядом. Девушка вся как-то напряглась, как будто ожидая удара, и удар не заставил себя долго ждать.

– Ты знаешь, я уезжаю, – буднично произнёс Дэн.

Последовало тяжёлое молчание, а затем прозвучал вопрос, какого Дэн никак не мог предположить:

– С ней?

Вопрос был настолько неожиданный и нелепый, что Дэн сначала даже не понял, о чём идёт речь, а поняв, рассмеялся:

– А тебя не волнует вопрос «куда»?

Смех любимого немного успокоил девушку, и ей стало даже немного стыдно за свои подозрения.

– Ну и куда же? – спросила она.

– На Север, за полярный круг, там сейчас бурно развивается нефтянка и очень нужны инженеры, а здесь я совсем никому не нужен.

– Неправда! Ты нужен мне.

– Я не об этом.

– А я об этом. Дэн, мы знакомы с тобой почти пятнадцать лет. За это время наши друзья успели жениться и нарожать детей, а некоторые даже развестись и снова жениться, а мы всё ходим с тобой за ручку, как в седьмом классе, только ты портфель за мной не таскаешь...

Воспоминания больно укололи Дэна. Он вдруг осознал, что действительно прошло уже целых пятнадцать лет! Боже, как пролетело время! Где та весёлая, никогда не унывающая пигалица, смешно задиравшая коленки, прыгая с подружками через верёвочку? Где чистое сияние её глаз? Где тонкий хрустальный смех? Где первые робкие ласки? Неумелые поцелуи, восторг открытия друг друга, ночные бдения на крыше дома, букет сирени, брошенный в распахнутое окно её спальни – где это всё? Кто эта усталая женщина под тридцать с осунувшимся лицом, поредевшими волосами и ссутулившейся спиной? Неужели это и есть Юля? Его милая ненаглядная Юля? «Да, конечно, это она, вернее то, что я с ней сделал», – с горечью и почти ненавистью к себе подумал Дэн и в порыве нежности обнял девушку за плечи. Юля расслабилась и оттаяла, положила голову ему на плечо и взяла его руку в свои ладони.

– Ты правда уезжаешь? – спросила она, как бы надеясь, что только что услышанная и неприятно поразившая её новость исчезнет от уточняющего вопроса.

– Да, я уже решил окончательно.

– Окончательно? А как же я?

– Поехали со мной.

Юля глубоко задумалась. Ей бы очень хотелось уехать с любимым! Кроме всего прочего, это был уникальный шанс разорвать, наконец, порочный круг их запутанных отношений на четверых, но у неё сильно болела мама, болела так, что не могла себя обслуживать, и, кроме неё, ухаживать за больной было некому: отец два года назад умер от сердечного приступа, были ещё два брата, но у обоих на плечах висели собственные семьи, а их жёны к тому же совсем не ладили со свекровью. Дэн знал о Юлиной ситуации, но надеялся, что её как-то можно разрулить.

– Может быть, наймём маме сиделку? – предложил он. – На Севере у меня будет очень большая зарплата, да и ты сможешь устроиться по специальности.

– Нет, сиделка – это не вариант.

– А братья на что?

– На братьев плохая надежда.

– Ну, как знаешь – не пожалей потом.

– Я уже жалею...

Через весь город Дэн пошёл провожать Юлю домой. Сначала ехали на трамвае. Потом шли пешком. Юля жила у старого вокзала в небольшом деревянном домике. В окне горел свет – мама явно не спала, ожидая дочь с прогулки. Денис долго вспоминал потом это расставание у калитки: июльские звёзды в чёрном бархате неба, лай собаки в соседнем дворе, тёплый огонёк за оконной занавеской – и над всем этим вязкий и густой запах липы.

«Интересно получается, – думал Дэн, возвращаясь на остановку, – здесь я нужен всем, а на северах – никому!» От этого было грустно и немного даже обидно. Оставалась ещё Валентина, но все знали, что недавно у неё появился новый молодой человек, с которым, как говорила сама Валя, у неё «всё серьёзно». Добравшись домой, Дэн всё-таки решил позвонить старой подруге.

К телефону долго никто не подходил, и, когда Дэн решил, что никого нет дома, гудки вдруг оборвались и в трубке послышался громкий шёпот Валентины:

– Ало, кто это?

– Это я.

– Дэн, ты совсем охренел? Ты смотрел, который час? Родителей перебудить!

Он бросил взгляд на часы – первый час ночи. Да, судя по всему, во времени он потерялся!

– Извини, – забормотал, – мне очень хотелось поделиться с тобой важной новостью.

– Что за новость?

– Я уезжаю на Север.

В трубке повисло долгое молчание.

– Ты меня слышишь? – нервы не выдержали затянувшейся паузы.

– Слышу...

– И всё?

– А чего бы ты хотел?

– Не знаю... Может быть, поедешь со мной?

– Год назад, возможно, и поехала бы, а теперь нет. Извини.

– Я понимаю.

Опять наступило молчание. И тут к Дэну пришло неожиданное решение, которое оправдывало и поздний звонок и нелепое предложение:

– Я, собственно, звоню, чтобы пригласить тебя на отвальную.

– Какую ещё отвальную?

– Я собираю всех друзей на нашем месте в пятницу ровно в шесть.

Приходи – гульнём напоследок.

Снова небольшая пауза, а затем сухо:

– Хорошо. Мы придём.

Это «мы» больно резануло слух, но что поделать – нельзя же до бесконечности хранить верность неизвестно чему.

«Наше место» – это уютная, поросшая травой поляна, окружённая плотными зарослями акации недалеко от речного порта. Место, которое Дэн с друзьями облюбовали для себя ещё в школьные годы, – дикое и в то же время вполне цивилизованное, скрытое от посторонних глаз, но абсолютно доступное для посвящённых. С набережной эта поляна совершенно не видна за густой стеной из переплетённых стволов, веток, листьев и цветов акаций, но нырнув в неприметный проход между двумя кустами и пройдя на десяток метров вглубь зарослей по едва различимой тропке, ты оказывался вдруг на небольшой, но достаточно вместительной поляне, над которой широко распростёрлись кроны клёнов и конских каштанов. Посередине этой поляны друзья ещё в десятом классе положили два больших бревна, а между ними – громоздкую тополиную колоду, оборудовав тем самым импровизированную гостиную, в которой было так приятно посидеть, выпить пива, покурить и попеть песни под гитару. В сотне шагов Волга – купайся, если хочешь, в полукилометре – речной порт, можно сбегать за пивом и сигаретами, а девчонкам и мороженое прихватить. Удивительно, что за десять лет это место никто, кроме них, так и не обнаружил, лишь пару раз в год сюда добирались городские службы, которые косили непомерно разросшуюся траву, друзья же весь мусор непременно уносили с собой, поэтому на поляне всегда царили идеальная чистота и порядок.

На проводы собрались самые близкие друзья Дэна – всего человек двадцать пять. Кроме привычных брёвен в ход пошли надувные матрасы и скатерти, принесённые из дома, кто-то притащил с собой раскладной стол со стульями – короче, места хватило всем, а кому не хватило, располагался прямо на траве.

Дэн сидел в самом центре поляны за тополиным столом, справа и слева от него расположились Юля и Нина, а напротив – Алексей с Норой и Валентина со своим женихом Николаем. Длинный летний день никак не заканчивался, и, хотя солнце скрылось уже за крутым волжским косогором, небо всё ещё голубело всюду, летали гигантские голубые стрекозы и легкокрылые бабочки, высоко в небе стригли воздух стрижи, в кассетном магнитофоне звучали модные шлягеры, гости поднимали тосты за отъезжающего, говорили шуточные и серьёзные

напутственные слова, кто-то танцевал, кто-то травил анекдоты – было весело и непринуждённо, как обычно бывает в тесной дружеской компании, где все давным-давно знают и любят друг друга.

Дэну было хорошо и грустно. Хорошо оттого, что сегодня с ним все лучшие друзья, он даже удивился чуть-чуть, увидев их в одно время в одном месте, и порадовался – как же их много! А взгрустнулось оттого, что, может быть, это последняя такая встреча, что он уезжает к чёрту на кулички, что билет у него по сути – в один конец, поскольку он не знает, вернётся ли вообще когда-нибудь.

«Его девушки» были в тот вечер с ним на редкость ласковы и предупредительны, оказывали мелкие знаки внимания: то вина подольют, то бутерброд приготовят, то коснутся ненароком руки или локтя, даже Валентина не отставала от своих подруг, вызывая косые хмурые взгляды и многозначительные шуточки со стороны Николая. Но Дэну казалось, что вся эта забота похожа на суету родных над гробом покойника: все стремятся отдать ему последние почести, хотя в душе уже вычеркнули несчастного из списка живых.

Вдруг из колонок полилась мелодия нового хита, звучавшего этим летом из всех чайников и утюгов:

Снова от меня ветер злых перемен
Тебя уносит,
Не оставив мне даже тени взамен...

Тем летом её пела не модная и раскрученная примадонна попсовой эстрады, позднее прихватизировавшая этот шлягер, а молодая и пока ещё мало известная певица с тихим, немного осипшим голосом, который звучал удивительно проникновенно и так искренно, что невольно верилось ему и хотелось полететь вслед за любимым человеком *жёлтой осенней листвой, птицей за синей мечтой*.

На первых аккордах песни Юля заглянула Дэну в глаза и попросила: – Пойдём потанцуем.

Они вышли на середину поляны, обнялись и стали медленно двигаться под непринхотливую, но проникающую в самую душу мелодию.

Сколько я искала тебя сквозь года,
В толпе прохожих.
Думала, ты будешь со мной навсегда,
Но ты уходишь.
Ты теперь в толпе не узнаешь меня,
Только, как прежде любя,
Я отпускаю тебя.

Они всё теснее прижимались друг к другу, как вдруг почувствовали, что в их пару вклинивается кто-то третий – это была Нина. Они на секунду разомкнули объятия и приняли Нину в свой круг. Дальше танец продолжался на троих.

Каждый раз, как только спускается ночь
На спящий город,
Я бегу из дома бессонного прочь,
В тоску и холод,
И ищу среди снов близких тебя,
Но в двери нового дня
Я вновь иду без тебя.

И тут под плоские шуточки своего Николая в их трио встроилась Валентина, окончательно сформировав квартет.

Это был странный танец: нежный и горький. Дэн и три его девушки сплелись в неразрывный живой клубок, в котором невозможно было определить, где кончается одна рука и начинается другая, где каждому казалось, что у него не две, а несколько ног, не одно, а четыре сердца, и глаза смотрели на мир глазами трёх других, и простенькая печальная музыка жила в голове каждого, как в одном общем сознании. А неброский, но чем-то цепляющий душу голос всё пел и пел:

Позови меня с собой,
Я пройду сквозь злые ночи,
Я отправлюсь за тобой,
Что бы путь мне ни пророчил.
Я приду туда, где ты
Нарисуешь в небе солнце,
Где разбитые мечты
Обретают снова силу высоты.

И всем казалось, что и правда они придут друг к другу сквозь злые ночи несмотря ни на что и там, на другом конце пути, их будет ждать солнце, нарисованное на небе руками любимого.

Музыка неожиданно оборвалась, и кто-то отчаянно заколотил чем-то металлическим о стекло бутылки. Танцующие невольно остановились и, не расцепляя рук, посмотрели в сторону звука – и в этот момент им по глазам ударила молния фотографической вспышки.

– Фантастика! Вот это будет снимок! – радостно закричал Алексей, делая про запас второй и третий кадр. Девчонки бросились в шутку отнимать его «Зенит», чтобы, как они кричали, засветить плёнку, а он носился от них по поляне и кричал, что он свободный человек свободной страны и никто не вправе нарушать его право на свободу слова.

А потом была целая жизнь. Дэн улетел в Нефтеюганск и устроился рядовым инженером на базу производственно-технического обслуживания и комплектации оборудования, однако опыт руководства отделом не пропал зря – и год за годом он потихоньку перемещался по длинной служебной лестнице гигантского и сложно устроенного бюрократического механизма. Здесь его никто не называл больше Дэном, а только Денисом и на «вы», правда, на американский манер – без отчества. К своим пятидесяти пяти годам Денис дослужился до заместителя директора по производству одной из дочерних компаний гигантского нефтегазового холдинга. По иронии судьбы эта «дочка» базировалась не на северах, а в его родном городе, и жизнь, таким образом, совершила затейливый кульбит и через четверть века вернула его в начальную точку пути.

За минувшие двадцать пять лет Денис растерял все ниточки, когда-то крепко накрепко связывавшие его с городом: родители умерли, друзья понемногу прекратили общение, даже Алексей куда-то исчез. Первое время Денис активно переписывался и созванивался со своими любимыми женщинами, но Валентина вскоре вышла замуж, сменила адрес и телефон, и связь с ней оборвалась. После смерти матери сменила своё место жительство Юлия, а через год и Нина перестала отвечать на его письма, а домашнего телефона у неё никогда не было. Вскоре

началась эра мобильных телефонов и электронной почты, но Денису нигде было взять их электронные адреса и номера мобильных.

Видясь со своими любимыми каждый день, Денис был не в силах расстаться ни с одной из них, но, оказавшись на большом расстоянии, он не то чтобы забыл их, но вдруг перестал чувствовать за них ответственность. Он вспоминал о них с любовью и нежностью, писал им задушевные письма, часто созванивался с Юлей и Валентиной, пока они были на связи, но что-то останавливало его от того, чтобы всё бросить и прилететь повидаться с ними лично. Первые три года он вообще не уходил в отпуск, осваивая сложную специфику нового для него дела и завоёвывая достойное место в компании, и, собственно, в эти три года прежде прочная связь истончилась и незаметно прервалась.

Сначала он этого даже не заметил. Ему казалось, что вот-вот придёт ответ на его очередное письмо, что завтра или послезавтра кто-то из его девушек позвонит ему на работу и сообщит новый номер телефона, но дни проходили за днями, а ничего подобного не происходило. То и дело он давал себе слово, что через недельку возьмёт отпуск в счёт неотгулянных отпусков и улетит к себе на Волгу, найдёт всех своих девочек, расскажет о своих успехах и перспективах. Валентина, конечно, замужем, но Юлю больше не привязывает к городу больная мать, да и Нина, может быть, изменила свою позицию относительно учёбы сына, возможно, одна из них согласится поехать с ним в Нефтеюганск. Но, как назло, вечно возникали какие-то производственные проблемы, которые нужно было срочно решать, а кроме него, как он считал, с этим никто не мог справиться.

У него стали появляться женщины. Они скрашивали его одиночество, давали выход накопившейся мужской энергии, но никого из них он по-настоящему не любил. Выбирал специально женщин замужних, чтобы не возникало никаких надежд и обязательств, а если надежды всё-таки зарождались, а обязательства женщина пыталась на него взвалить, он быстро ретировался.

За всё время работы в Нефтеюганске он прилетал в родной город дважды – на похороны отца и на прощание с матерью, – но специфика этих траурных поводов не позволяла ему думать о встречах с друзьями и бывшими возлюбленными.

И вот теперь он возвращался в родной город насовсем.

Алексея он встретил случайно. В первый день после приезда Денис решил пройтись по знакомым с детства местам, оживить в памяти лица и события с ними связанные. В глубокой задумчивости шёл он по центральному бульвару, удивляясь тому, что в городе, где он прожил тридцать лет, где в те давние годы ему повсюду встречались друзья и приятели, теперь он не видел ни одного знакомого лица. Это сюрреалистическое ощущение усиливалось тем, что дома вокруг совсем не изменились: вот кондитерская, в которой он покупал пирожное «Наполеон» на сэкономленные от школьных обедов гривенники, вот кукольный театр, в который ходил в детстве и очень испугался Большого Ивана – обычного актёра, который появился на сцене во время представления и по сравнению с куклами показался маленькому Дениске настоящим великаном, вот «Детский мир», куда они забегали с мальчишками после школы, чтобы поглазеть на игрушечные автомобили и солдатиков, вот кафешка, где продавали чудесные коктейли и мороженое и где они так любили посидеть с друзьями в студенческие

годы, – дома всё те же, но люди вокруг совсем другие, чужие, незнакомые, а ведь город – это прежде всего люди, и, оказавшись здесь после двадцатипятилетнего перерыва, Денис осознал вдруг, что он вернулся в чужой город, а город его детства и юности навсегда ушёл в область воспоминаний.

Ошарашенный этим открытием Денис присел на скамейку рядом с седеньким, сморщенным, как сухофрукт, старичком. И вдруг с той стороны скамейки, где сидел старичок, послышался знакомый до боли голос:

– Дэн, ты, что ли?

Он повернул голову, и тут сквозь морщины, плешь и седину старика проступили черты его лучшего друга.

– Алексей? Ты? – не веря собственным глазам, воскликнул Денис. Они одновременно вскочили на ноги, бросились друг другу навстречу и крепко обнялись.

Друзья выпили по поводу встречи, и Алексей пригласил Дениса к себе. Теперь он жил здесь неподалёку в маленькой комнатке коммунальной квартиры, доставшейся ему после развода с женой. Пока выпивали в тесной рюмочной, больше похожей на шкаф, и шли к Лёшиному дому, Алексей успел поведать другу свою горькую историю: в девяносто восьмом его бизнес разорился, жена ушла, он стал сильно пить, перебивался случайными заработками, навалились болезни, перенёс несколько операций, в последнее время совсем не пьёт, но раз друг приехал – это святое!

Денис вспомнил, что именно в девяносто восьмом вдруг оборвалась связь с Алексеем. Почему он не приехал тогда? Почему не поддержал друга? Может быть, тогда жизнь Алексея сложилась бы совершенно иначе, а возможно, и его собственная тоже!

Когда пришли в комнату Алексея, уже начинался вечер – в августе темнеет рано. Пока кипятили чайник и Алексей нарезал бутерброды, в доме напротив засветились окна.

– Помнишь, Дэн, как перед твоим отъездом мы вот так же сидели с тобой в моей старой квартире и смотрели на окна? – вдруг вспомнил давно минувшие годы Алексей.

– Помню, конечно.

– Ты тогда ещё толкал какую-то странную теорию, будто живёшь не своей жизнью. Собственно, потому ты и укатил тогда на севера. Ну и как – нашёл ты там свою жизнь?

– Нет, не нашёл.

– Ну, и стоило тогда уезжать?

– Думаю, что не стоило.

– Слушай, – вдруг весь как-то встрепенулся и прояснел лицом Алексей, – а помнишь свою отвальную? Я тут недавно перебирал старые фотографии и нашёл одно фото!

Алексей бросился к серванту, выдвинул ящик, достал из него коробку и стал рыться в её содержимом. Через пару минут он извлёк на свет божий то, что искал, – старую пожелтевшую от времени чёрно-белую фотографию с загнутыми краями.

На фотографии Денис увидел себя таким, каким был четверть века назад, – молодым, красивым, с копной густых тёмных волос, с неугасимым блеском в глазах, справа к нему прижималась белокурая пигалица Юля, слева – мягкая и округлая Валентина с пышной русой косой, а на переднем плане, повернув голову через плечо, прямо в объектив

смотрели чёрные смеющиеся глаза Нины. Все четверо крепко обнимали друг друга и, казалось, только-только прервали свой захватывающий танец.

Голубой монитор по-прежнему мерцал перед глазами. Старик встряхнул головой и снова увидел себя в своём одиноком загородном доме, где поселился после выхода на пенсию и где доживал свои никому не нужные стариковские годы. Очнувшись от наваждения, он понял, что сидит перед монитором много часов, а пост, начатый им ещё утром, разросся до целого рассказа. Но какими словами закончить этот рассказ? И кто станет его читать? Кому интересны поздние прозрения человека, чья жизнь почти вся уже позади?

Наверное, рассказ с интересом прочитал бы Алексей, но он умер в том же году, когда Денис Юрьевич вернулся с северов, вскоре после их последней встречи. Ещё главные героини рассказа, его любимые девушки, тоже с большим удовольствием прочитали бы этот текст – но он так и не смог найти их после возвращения. От общих знакомых он слышал, что все они живут теперь в других городах и даже странах, у них есть дети и внуки, видимо, после расставания с Дэнном они всё-таки успели вскочить в последний вагон своего уходящего женского поезда. Он пытался найти их через социальные сети, но так и не нашёл: то ли у них не было аккаунтов, то ли просто не повезло.

Остались только «френды» в социальных сетях с их дежурными лайками и полным равнодушием к его судьбе, но социальные сети – всего лишь пародия на настоящее человеческое общение, бледное подражание подлинным чувствам из плоти и крови, великий цифровой самообман.

Старик посидел ещё немного, перечитал текст только что написанного рассказа, а потом выделил весь текстовый блок и нажал кнопку Delete.